

УДК 82-1/-9

ЕЩЕ РАЗ О «НАМЕКАХ» И «УРОКАХ» ПУШКИНСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ СТИЛИЗАЦИИ («Сказка о рыбаке и рыбке»)

ДЫХАНОВА Берга Сергеевна,
доктор филологических наук, профессор,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Обращаясь к пушкинской «тайнописи» в одной из фольклорных стилизаций и сопоставляя стилистику пушкинского текста с фольклорным образцом, автор статьи предлагает новую концепцию содержания сказки «О рыбаке и рыбке».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: текст-прототип, эстетическая рефлексия, хронотопическая модель.

DYKHANOVA B.S.,
Dr. Philolog. Sci., Professor,
Voronezh state pedagogical University

AGAIN ABOUT THE "HINTS" AND "LESSONS" OF PUSHKIN'S FOLK STYLIZATION
("The tale of the fisherman and the fish")

ABSTRACT. Referring to Pushkin's "the secret code" in one of the folk stylization and comparing the style of Pushkin's text with folklore sample, the author offers a new concept of the content of the tale about the fisherman and the fish.

KEY WORDS: text - prototype, aesthetic reflection, chronotopic model.

Сюжетно-композиционной основой для пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» послужила немецкая фольклорная «Сказка о рыбаке и его жене» из собрания замечательных фольклористов Вильгельма и Якоба Гриммов. Существование текста-прототипа так или иначе учитывалось всеми, кто обращался к пушкинскому творению, что способствовало обнаружению все новых семиотических фактов сходства или различия двух текстов – фольклорных записей и литературного произведения.

На первый взгляд, автор литературной стилизации почти ничего не оставил от оригинала, изменив его название, культурно-историческую маску сказителя и бытовую атрибутику, убрав несовместимые с русской ментальностью сюжетные ходы и введя другие, соответствующие национальному мышлению. Все это, однако, не могло отменить диалогический контакт между фольклорным и литературным текстами, так как преодоление сюжетно-фабульной заданности готового образца не означает полное устранение связи с претекстом, так или иначе резонирующим в пушкинском варианте.

Поэтому при всем внимании к авторской рефлексии в сказке «О рыбаке и рыбке» необходимо по возможности учитывать эстетические последствия явного или завуалированного взаимодействия разных сюжетно-фабульных схем – фольклорной и литературной. К явному заимствованию принадлежит композиционное построение пушкинского творения, представляющее обратную проекцию постоянной мифологической структуры русской волшебной сказки: если в фольклорном жанре действие начинается с потери и завершается ее ликвидацией,

в пушкинской сказке, так же как в тексте «Сказки о рыбаке и его жене», чудесные дары в конечном итоге обращаются в ничто.

Однако и использование «перевернутой» сюжетно-композиционной структуры, и внесение существенных коррективов в гриммовское название высвечивают куда более значительный, чем принято считать, план пушкинского повествования. Свидетельство тому – черновые варианты будущего заголовка («О золотой рыбке», «Сказка о рыбаке», «Рыбак и рыбка»), запечатлевшие направление авторского поиска и утверждающие особую важность объединения двух персонажей – рыбака и рыбки. В окончательной редакции автор максимально сближает их ... буквенной идентичностью и уравнивает «в правах» сочинительным союзом. Более того, тот же прием анаграммирования и парности Пушкин использует в самом повествовании, где слово «рыбак» изымается из обращения, замещенное лексемой «старик», и появляется другая лексическая пара – «старик и старуха» («Жили-были старик и старуха...»), указывающая не только на возраст персонажей, но и на длительность семейного союза («ровно тридцать лет и три года»).

Затеянная автором фонетическая игра вовсе не безразлична к подспудному смыслу текста. Будучи одним из герменевтических приемов, она косвенно выявляет специфику пространственных характеристик персонажей, отмеченную звуковым подобием. Местоположение старика и старухи в пушкинском сказочном хронотопе – у «самого синего моря», – волшебного, обиталища золотой рыбки. Именно на границе «своего» и «чужого» пространства и происходят все встречи *рыбака и рыбки*. Старухе, ос-

тающей на одном и том же месте при всех сказочных метаморфозах жилища (вместо «ветхой землянки» последовательно возникает «изба со светелкой», «высокий терем» и «царские палаты»), не дано даже приблизиться к этой границе.

Знаковость пушкинской хронологической модели дешифруется благодаря подспудным смысловым переключкам с фольклорным прототипом. Последнее, пятое по счету, желание старухи обрывает сюжетную цепочку и возвращает действие к исходной ситуации. В мифопоэтической нумерологии число «пять» рассматривается как сумма двух чисел, противопоставленных друг другу – идеального «три» и «нечистого», бесовского «два». Согласно этим значениям, только три желания персонажа соответствуют сказочному фольклорному канону, два другие – избыточны и исполнению заведомо не подлежат.

Сокративший количество сюжетных звеньев по сравнению с фольклорным образцом и заменивший те из них, которые несообразуются с русской ментальностью, Пушкин виртуозно использует отвергнутые ходы. Желание «черной крестьянки» превратиться в «столбовую дворянку», размыкающее в реальности условный сказочный мир и в этой новой системе координат неисполнимое (столбовыми дворянами *не становятся, а рождаются*), по своей абсурдности сродни желанию жены рыбака стать папой римским (женский пол – непреодолимое тому препятствие).

Столь же хитроумны «несопоставимость» последних желаний немецкой жены рыбака («быть богом») и пушкинской старухи («быть владычицей морской»). Получившая власть над «целым царством», пушкинская старуха хочет присвоить к нему «окиян-море» – чудесное обиталище золотой рыбки. Эта мифологема включает в фольклоре *все* водное пространство, не покорившееся человеку, являющее собой жизнедеятельное начало, способное породить все остальное [2, с. 249–250], высвечивая запредельный уровень старухиных «притязаний». По существу, старуха возжелала владения миром, отводя владычице «синего моря», золотой рыбке, роль прислуги.

Своеобразно преломляется у Пушкина и число «шесть» (именно такова суммарная характеристика желаний гриммовской жены рыбака). Нумерологический код, маркирующий срок совместного жития старика и старухи, представляет собой удвоенную троицность («... жили-были старик и старуха ровно тридцать лет и три года» = 33), символически оценивающую их семейный союз, где каждый исполняет искони предназначенную ему семейную функцию («Старик ловил неводом рыбу. Старуха пряла свою пряжу»), как воплощение идеальной патриархальной нормы.

Значительно «состарив» своих героев (гриммовские персонажи молоды, о чем косвенно свидетельствует неизменное восхищение рыбака своей «Ильзебилью»), автор русифицированного варианта испытывает их супружеские отношения внезапным сказочным преобразованием их скудного быта. В отличие от немецкой фольклорной сказки, где «жена рыбака» никак не ощущает чувства и роль мужа, в пушкинском тексте чудесные дары золотой рыбки разрушают традиционную семейную иерархию, а с нею и весь, веками освященный «порядок вещей». Мужик и «столбовая дворянка», а уж тем более «мужик» и «грозная царица» не могут составлять семейную пару по определению. Несказочная реальность в финале вновь объединит старика со старухой на пороге ветхой землянки и в прежнем статусе. Как же автор оценивает реальность?

На этот вопрос отчасти отвечает заглавие. По мнению одного из исследователей, Пушкин лишил старуху места в названии, отдав его «двум более достойным персонажам – рыбаку и рыбке» [1, с. 95]. Читательские (а значит, и авторские) симпатии, действительно, на стороне «положительных» сказочных персонажей, и эта солидарность в духе фольклорных законов. В соответствии с последними сюжет волшебной сказки движется благодаря активности сказочного героя. В пушкинском тексте все эти закономерности претерпевают неявную трансформацию. Сюжетообразующим лицом, несомненно, является старуха, чьи требования неохотно, но неукоснительно озвучиваются стариком. Но, в сущности, старуха не ведет сюжетное действие, а *как бы* ведет. Сюжетная значимость образа старика несомненно выше (золотая рыбка откликается именно на *его* просьбы и выполняет их в благодарности за свое спасение), а значит, и его вина в случившемся не меньше, чем вина старухи. Ведь не случайно оба остаются у разбитого корыта.

Чудесные события выявляют сущностные стороны народного характера, сочетающего наряду с покорностью и терпением стихийную тягу к безграничной воле. Чем обернутся даром доставшиеся свобода и власть для низов, не имеющих исторического опыта участия в управлении государством, в подавляющем большинстве неграмотных, привыкших полагаться на житейскую практику и здравый смысл? В образной модели сказочного условного мира воплотились гипотетические последствия политической доктрины декабристов, убежденных, что отмена крепостного права снизу и установление равенства сословий приведут к народному благоденствию.

У Пушкина самодурство старухи («еще пуще старуха вздурилась»), прежде не помышлявшей о богатстве и власти, – оборотная сторона бесправия и бедности «черной крестьянки», а питательной средой для ничем не ограниченной тирании становится безропотная покорность тех, кто привык уступать любой силе. Старик, покорный чужой воле, снова и снова возвращается на границу «своего» и «чужого» пространства, не внемля грозным предупреждениям «синего моря». Личное бескорыстие уступает назойливости, доброта оборачивается бесхарактерностью, а терпимость – тупой покорностью чужой воле.

Д.Н. Медриш абсолютно прав в своем главном выводе: «В псевдо-сказке не состоялось желание, в пушкинской сказке не состоялась сказка» [1, с. 95]. Чудо оказалось бессильно изменить не готовую к переменам реальность и самих персонажей, ею сформированных. Сказка «состоится», когда сочувствие, доброта и бескорыстие, проявленные дворянским отпрыском, нейтрализуют классовую ненависть мужицкого царя. В противовес идеям революционного преобразования государственного правления в «Капитанской дочке» предлагается действительный, с точки зрения автора, способ гуманизации действительности. Но существование «параллельного» художественному вымыслу документального текста («История Пугачева») «сказочную» идиллию заставляет воспринимать только как очередное проявление «делеющей душу гуманности» Пушкина, и его художественный «проект» бескровного изменения национальной жизни сверху («рабство, павшее по манию царя») осуществится в русской истории много позже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Медриш Д.Н. Путь в Лукоморье / Д.Н. Медриш. – М., 1995.
2. Мифы народов мира: Энциклопедия : в 2 т. – М., 1997. – Т. 2.
3. Маковецкий М. В некотором царстве: Современная литературная сказка / М. Маковецкий // Лит. обозрение. – 1984. – № 11. – С. 25–27.